

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

СЧАСТЬЕ

РАССКАЗ

Марина, шестнадцатилетняя девушка, полная, цветущая, с крупными чертами лица, лежала на выцветшей тряпке, бывшей некогда занавеской, теперь же расстеленной на лужайке подле старого, недавно окрашенного в приторно-жёлтый цвет дома. Уткнувшись локтями в тряпку и уронив свою большую голову в чашу, образованную ладонями, Марина крепкими, похожими на ядра орехов зубами жевала стебелёк мятлика. То и дело она лениво поводила круглым обнажённым плечом или подёргивала полной ногой, отгоняя наседавших насекомых.

Рядом с ней на линиях занавеске, подложив под голову руки и перебросив одна через другую согнутые в коленях длинные, тонкие ноги, лежала её школьная приятельница Вера. Маленькая, похожая на фарфоровую статуэтку, удивительно изящная девушка, приехавшая по приглашению Марины провести выходные в деревне.

Облачённые в купальные костюмы, девочки самоотверженно отдавались жестокому июньскому солнцу. Тела их покраснелись и лоснились от пота. Обе молчали и решительно ни о чём не думали. От жары все мысли расплавились, и ухватиться за них было невозможно.

В воздухе, раскалённом и густом, застыли запахи скошенной травы, смородинового листа и цветов шиповника. Откуда-то из-за дома потянуло костром и жареным мясом — это родители Марины взялись готовить шашлык.

Звенели весёлые мушки, гудели деловитые шмели, где-то на краю деревни плакала корова. Ласточки с тревожным писком носились так низко, что,

ЗАМЛЕЛОВА Светлана (Макеева Светлана Георгиевна) родилась в 1973 в г. Алма-Ата. Окончила Российский государственный гуманитарный университет. Автор книги прозы "Гностики и фарисеи". Член Союза писателей России. Живет в Москве.

казалось, задевали крылами кусты. Соседская курица, пролезшая сквозь дыру в заборе, лапой ворошила морковную грядку и злобно кудахтала.

По небу, точно в глубокой задумчивости, плыло одно-единственное мажорное облачко почти правильной квадратной формы. То и дело оно оттанавливалось и, как бы потягиваясь, превращалось ненадолго в шар. Но после снова принимало прежнюю форму и плыло дальше.

— Девочки! Идите есть! — раздался голос Марининой мамы.

Девочки вздрогнули и ожили. Марина перевернулась на спину, Вера усе-лась, поджав под себя ноги.

Завидев на грядах курицу, Марина вскочила и топнула в её сторону ногой.

— Пошла отсюда! — крикнула она.

Курица захлопала крыльями и заметалась между грядками.

— Пошла, дурица! — подскочив к курице, Марина легонько подтолкнула её ногой к забору. Курица, наконец-то сообразив, чего от неё хотят, шмыгнула в дыру и скрылась за изгородью, на прощание метнув на Марину мстительный взгляд.

Марина потянулась, зевнула и, обращаясь к Вере, спросила:

— Идём?

Вера поднялась. По дорожке мимо грядок и старых корявых яблонь девочки пошли к дому.

Там, где дом отбрасывал солидную квадратную тень, стоял на земле колченогий мангал, а над ним колдовал курбатьый, очень суетливый человек в длинных, нелепых шортах. Это был отец Марины.

Тут же, в тени, стоял дощатый стол и с двух сторон от него — длинные скамейки. Стол уже был накрыт.

С кусков дымящегося мяса, нанизанных на палочки, падали на толстое блюдо тяжёлые, сочные капли. И в каждой капле видны были множественные золотые кружочки жира. Прямо на столе лежали варёные растрескавшиеся яйца, пучок свежей, только что умытой зелени, буханка чёрного хлеба и длинный нож. На тарелке — кольцами нарезанный лук, упругие зубчики чеснока и несколько маленьких, колючих огурчиков. А в больших эмалированных мисках горкой насыпаны ягоды — клубника и черешня. Бутылки с водой, пивом, термос с чаем и банка с молоком стояли тут же.

Девочки сели по одну сторону стола, родители Марины — по другую, трапеза началась. Тут услышали, как стукнула калитка и зашуршал щебень под чьими-то лёгкими ногами. И вскоре из-за угла дома показалась Оксана, соседская девочка лет четырнадцати, худенькая, с угреватым лицом и жидкими, короткими волосами. Пришла она в сопровождении белой безухой овчарки. Оксана поздоровалась и присела рядом с Верой. Перед ней тотчас поставили тарелку, положили палочку шашлыка, кусок хлеба. Налили стакан молока. Дали шашлык и собаке. Та, осторожно взяв мясо, отошла в сторону и, улегшись на траву, принялась неспешно разжёвывать кусок, растягивая удовольствие.

Съев предложенное, Оксана, почему-то смущаясь и краснея, спросила тихо:

— На речку пойдёте, девочки?

— Пойдём, — был ответ.

— Тогда я за вами зайду.

И, поблагодарив хозяев за угощение, Оксана ушла. Вместе с ней ушла и безухая овчарка.

За деревней рос огромный калиновый куст, цветший теперь и источавший сильный горьковатый дух. Запахи калины, клевера и ещё каких-то не то трав, не то цветов мешались в один пьянящий аромат. И воздух, вмещавший в себя такое множество запахов, казался необыкновенным густым и горячим напитком, пить который хотелось маленькими глотками, чтобы не обжечься и насладиться букетом.

Под калиной жил своей жизнью пруд. Подойдя ближе, девочки увидели рыбок, высывавшихся наружу и оставлявших после себя разбегающиеся круги. Кричали, как безумные, сочно-зелёные лягушки, водомерки выписы-

вали лапками сложнейшие узоры. Чуть в сторонке стояла красная церковь. Костялая, с торчащими во все стороны ржавыми железьяками и ветками какого-то кустарника, росшего на крыше, она уныло смотрела на своё отражение в пруду — и на девочек не обратила никакого внимания.

Пройдя гуськом по узкой тропке, вытоптанной среди лопухов и кустиков пияжмы, девочки вышли к старому серому колодцу. Отсюда можно было видеть далеко окрест: деревня, как множество других деревень, располагалась на холме. Зелёные перелески, ярко-жёлтые островки сурешки, лиловый дымок колокольчиков — всё это весело, по-летнему переливалось, играло и порождало безотчётную радость и предвкушение чего-то хорошего, что обязательно должно случиться. И почему-то хотелось петь, смеяться, верить, что нет плохих людей и что жизнь — это праздник от рождения до смерти...

Там, где небо касалось земли, девочки увидели спину дракона. Это холмы, поросшие лесом, чернели колочей щёткой. И вдруг дракон шевельнулся и приподнялся. Спина его изогнулась, ошетибилась. Дракон ожил и стал страшен. Один из гребней на его спине оторвался и тотчас разлился по небу чернильным пятном. И жирная, подгоняемая ветром туча поползла навстречу девочкам.

— Дождь будет! — сказала Марина, щурясь на тучу и прикрываясь рукой от солнца.

И девочки врассыпную побежали под горку, туда, где в тени под вербами дремала речка.

Побросав полотенца в траву, спустились к воде. Потоптавшись немного, ощупью, повизгивая и подняв руки, точно оттягивая страшный миг, стали входить в реку. Наконец, Оксана, зажмурившись и сжав плотно губы, плюхнулась на живот и, задрав высоко голову, поплыла по-собачьи. Испуганные неожиданно громким всплеском, сороки, трещавшие где-то в кустах вербы, вдруг замолчали. Метнулась в сторону стайка лимонных бабочек. Застыли в изумлении золотистые стрекозы. И только смелая коноплянка продолжала насвистывать чуть грустную, похожую на звуки флейты песню. Обрызганные Марина и Вера подались было с громким смехом назад, но спустя минуту уже плыли за Оксаной. Угрюмая, холодная река, не успевшая ещё как следует прогреться, встретила девочек неприветливо. Но они с наслаждением барахтались в тёмной зеленоватой воде, то повизгивая и отфыркиваясь, то переговариваясь ничего не значащими фразами.

Вдруг раздалось первое недовольное рычание.

— Нельзя в грозу купаться — убить может, — очень серьёзно сказала Оксана. И все трое, не стовариваясь, повернули к берегу.

Выйдя на сушу, дрожа и стуча зубами, принялись растираться полотенцами. Опять зарычало. Чернильное пятно расплозлось и уже приближалось к деревне. Внутри пятна сверкнула молния. Вдруг как-то сразу потемнело и посвежело. Ветер засвистел в кустах вербы, испугал старую осину, дёрнул за косы берёзку. И швырнул в девочек какими-то семенами. Первые капли, сначала редкие и мелкие, так что непонятно было, идёт ли дождь, или это только так кажется; затем крупные, тяжёлые упали на землю. Исчезли бабочки и стрекозы, смолкли птицы — насторожилась всякая тварь. Стало слышно, как захлопала, зачавкала вода в речке, как зашептали обрадованные влаге листья и травы. Накинув полотенца на головы, девочки побежали к деревне. А когда дождь застучал по спинам и икрам, они сжались, как будто захотели сделаться меньше, и еще прибавили шагу.

Зарычала уже совсем близко, прямо над головами, огнедышащая туча. Но, изрыгнув пламя, успокоилась и затихла. А дождь шуршал всё громче и громче...

— Переждём под деревом! — крикнула Вера.

— Нет! Нельзя под деревом в грозу — убить может!

И девочки побежали дальше по мокрой и скользкой траве, балансируя и рискуя на каждом шагу упасть и скатиться вниз к речке. Но вот показались взъерошенные, мокрые, похожие на стайку воробьёв кустики пияжмы и серый, глянцевоый от дождя колодец. Здесь девочки разделились. Оксана, жившая на другом краю деревни, побежала к себе.

Не успели Марина и Вера, мокрые и продрогшие, вбежать в дом, как чернильное пятно, точно разбавленное дождевой водой, стало блёкнать, тускнеть и вскоре расплзлось по небу светло-серыми облаками, пробитыми кое-где золотыми иглами лучей. Дождь прекратился, проглянула лазурь, и солнце, показавшись, отразилось в каждой упавшей капле.

Девочек встретила Маринина мама.

— Замёрзли? — она засмеялась. — Вон, возьмите! — Она кивнула на серый тряпичный диванчик, где приготовлены были пёстрые старенькие, но чистые, а главное, сухие платица и полотенца. — Переодевайтесь, чаю попьём.

Вскоре девочки и родители Марины сидели за высоким, покрытым клеёнкой столом и пили чай с баранками и клубникой. Напившись чаю, решили играть в лото. Уговорились, что ставка — рубль. Расселись, раздали карты, разыграли, кому кричать — игра пошла.

Самым азартным игроком оказался Маринин отец. И хоть ставка была невелика, он всякий раз, проигрывая, расстраивался и начинал сердиться. Но стоило ему выиграть, как настроение его тут же менялось. Он аккуратно подсчитывал выигрыш и был чрезвычайно собой доволен. Нацепив на нос очки, он взялся приглядывать за остальными, чтобы не мошенничали...

В лото у цифр так много смешных прозвищ, неизвестно, кем и когда придуманных, что играть в эту игру молча совершенно невозможно.

— У меня “цыганка”!

— Какая “цыганка”?

— Ну... карта такая... счастливая, где все цифры подряд...

— Ха-ха-ха! Это “арапка” называется.

— Ну “арапка”...

— Я кричу! Барабанные палочки, восемьдесят три, пятьдесят...

— Ровно?

— Нет, с полтиной! Как свиньи спят, кочерга, двадцать шесть...

— Стоп, стоп! Какие свиньи?

— Два раза не повторяю! Дед...

— Сколько ж ему лет?

— Шесть!

— Вот так де-эдушка!..

— Да что это за свиньи были?

— Господи! Шестьдесят девять...

— Так бы и говорили...

— Папа! Не запускай глазнапа!

— А что такого? Мы же не в карты...

— Семён Семёныч, три...

— По одной — не ошибётесь!

— Что?! Уже квартира?!

— А то!

И так далее.

Кричали все по очереди, каждый по-своему. Кучка мелочи кочевала от одного игрока к другому. Всякий выигрыш встречался смехом, присвистом и завистливыми вздохами. Играли долго, пока не стало темно в комнате. Чтобы не напустить комаров, свет решили не зажигать, а потому игру пришлось прекратить.

Девочки вышли из дома и уселись на высокое деревянное крыльцо. Дом, доставшийся родителям Марины от деда, был старый, но крепкий и добротный. Ступени крыльца гладкие и широкие, такие, что на каждой из них с лёгкостью можно было бы разместиться на ночлег.

Было сухо, влага успела испариться. Солнца уже не было видно. Но облака, застывшие на западе в каком-то сказочном вихре, светились изнутри нежнейшим розовым светом. А ветер, закрутив их винтом, внезапно стих, чтобы полюбоваться своим творением.

Залаяла где-то басом собака. Наверное, та безухая овчарка, что приехала с Оксаной. И тут же из всех дворов послышалось недовольное ворчание и тьяканье.

Маринина мама вынесла в эмалированной миске черешни. Поставив миску на ступени рядом с девочками, снова ушла.

Вскоре стемнело. И только на западе тёмно-синий небосвод оставался бирюзовым с бледно-розовым росчерком. Вышел похожий на лимонную дольку месяц. Глянул сверху на девочек и отвернулся. Утихли звуки. По временам только басовитая собака тихонько потягивала. Засвистал, защёлкал соловей. И, точно пытаясь саккомпанировать, заиграли слаженно цикады.

Ночь была тёплой, свежей и душистой. Одна из тех ночей, когда хочется сидеть вот так до утра, слушать тишину и смотреть, как загораются звёзды, сбивающиеся, точно куры, вокруг петуха-месяца.

Девочки молча ели черешню и бросали косточки в траву.

— Оксанка, наверное, на дискотеку в Константиново пошла. Она каждую субботу ходит. Парень у неё там — вот и таскается, — сказала вдруг Марина. И по её тону было понятно, что она не одобряет такого верхоглядства Оксаны.

— Далеко это? — спросила Вера.

— Километров пять...

— И какая ж там в Константинове дискотека? — Вера усмехнулась.

— Да-а... Какая-то... В сельском клубе.

— А домой-то пешком?

— А то как же... Транспорт ей, что ли, персональный подавать?

Помолчали.

— Вон смотри... Большая Медведица, — Вера ткнула пальцем куда-то в воздух. — А парень-то её проводит домой? Страшно ночью-то...

— Может, проводит. Всё равно страшно, хоть с парнем, хоть без... По ночам-то таскаться... Мне вот Пашка, ну... брат мой двоюродный, рассказывал... У его жены, у Пашкиной, дядька в Смоленске живёт. Вот он Пашке-то сам и рассказал. Раз едут они с женой с дачи, а уж поздно было. Темно. Они на даче задержались, ну и оказались ночью в дороге. Так вот, едут они, вдруг видят, вроде женщина с ребёнком стоят на дороге, голосуют. Женщина не старая, лет тридцати, наверное, ребёнка, мальчика, за руку держит. Увидела машину-то, ну и подняла руку. Голосует, значит. Дядька-то Пашкиной жены пожалел — с ребёнком всё-таки, да и поздно — остановил машину... У них — “шестёрка”... Женщина села и говорит: “Мне в такую-то деревню надо. Вы меня доведите и у меня переночуйте. Но только утром я вас рано разбуджу. Я, говорит, с петухами встаю”. Дядька с женой согласились. Ну, едут, значит. Приезжают в деревню. А в деревне-то уж спят все. Они её к дому подвезли, ну, сами заходят. Расположились. Она их спать, значит, уложила. А наутро чуть свет будит. Вставайте, мол, мне уходить надо. Ну, они встали, оделись и уехали. И всё бы ничего. Да только дядька в дороге уже спохватился, что часы забыл. Жаль стало часов-то — пришлось вернуться. Ну, возвращаются, значит, в ту деревню. А уже, понятно, светло. Так вот, возвращаются, находят тот дом. Его, дом-то, легко было запомнить — он первый с краю стоял. Не перепутаешь. Так вот, возвращаются, смотрят... А дом-то заколочен!

— Как?!

— А так. На дверях доски крест-накрест. И на окнах то же. Что тут делать? Ну, пошли по деревне, стали людей спрашивать. Когда, мол, дом-то успели заколотить. Мужичок какой-то говорит: “А он уж лет пять как заколоченный стоит. И никто не живёт в нём”. Дядька, понятно, смеётся. “Как же, говорит, лет пять, когда мы с женой вчера только там ночевали”. Ну, и рассказал мужичку всё, как было-то.

— Ну?! А он что?

— Мужичок прямо сам не свой стал. “Точно, говорит, жила здесь женщина с ребёнком. И по описанию подходит, и по возрасту. Да только они оба лет пять уж как померли. Машинной, говорит, их сшибло. Да на том самом месте, где вы их подобрали”.

— А дядька что?

— Дядька-то весь так и обмер. Жена, понятно, в истерику. Ну, то да сё, решили доски содрать. Проверить, значит. Удостовериться. Отодрали,

заходят. Пылищи кругом — не продохнуть! Видно — необитаемое жильё. А на столе-то... дядькины часы лежат... Вот так-то...

— И что?

— Ну, ничего... Взяли часы да и дёру из той деревни. Подальше, значит. А другие-то мужики подтвердили про ту женщину. Лет пять, говорили, как померла вместе с ребёнком.

— А кого ж они подвозили? — тихо спросила Вера.

— Привидения ихние!..

Девочки замолчали. После “страшных”, пусть даже самых нелепых рассказов не хочется больше говорить о чём-то обычном. Хочется думать, как много вокруг чудесного и необъяснимого. Люди обыкновенно любят истории о мертвецах и ведьмах, о духах и заморских чудищах. А ночь, как известно, располагает к таким рассказам. Звуки ночи, происхождение коих непонятно, всегда внушают священный ужас и трепет, точно это сама вечность говорит о себе. Крикнет ли ночная птица, прощуршит ли крылом нетопырь или завоет собака — и готово дело! Страх вселяется в душу, и тут уж сами лезут на ум вурдалаки, оборотни и прочие посланцы ада.

— Пойдём, может, спать? — смущённо сказала Вера.

— Пойдём...

Они поднялись и тихонько, чтобы не разбудить никого, вошли в дом. Постели были уже разостланы, и девочкам оставалось только раздеться и лечь. В раскрытое окно доносилось свежее дыхание летней ночи, в котором растворился тяжёлый запах жилья, свойственный всем старым деревянным домам. Тренькали неутомонные цикады, перешёптывались листья.

Какое-то время девочки молча лежали и думали о том, что сейчас сказала Марина. Пытались представить себя на месте незадачливого дядьки, пытались вообразить, что может думать и чувствовать человек, не искушённый общением с духами, и каковой вред такое общение может принести... Думали ещё о чём-то. Должно быть, о том, как купались сегодня в речке, как промокли под дождём, о том, что Оксанка — дура, и что завтра, наверное, будет хороший день и опять можно будет пойти купаться. Хорошо иногда бывает так вместе думать.

Потом Вера уснула — слышно стало её лёгкое и ровное дыхание. А Марина долго ещё лежала в темноте и чему-то безотчётно улыбалась. На душе у неё было тепло, покойно и радостно. Но чем была навеяна эта радость, Марина не смогла бы объяснить. А если бы кто сказал ей, что она попросту счастлива, Марина, наверное, удивилась бы. Счастье представлялось ей иным — богато обставленным, ярким и шумным. И никогда не приходило ей в голову, что жить вольной жизнью на родной земле среди любящих тебя людей, любить самому своих близких и не горевать о хлебе насущном — разве есть большее счастье...